

Беленов Николай Валерьевич

ВОПРОСЫ ЭТНОЯЗЫКОВОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ БУРТАСОВ ПО ДАННЫМ ОНОМАСТИКИ

В данной статье предпринимается попытка взглянуть на проблему этнического происхождения средневекового поволжского народа буртасов и их языка с точки зрения ономастики. Рассматриваются главные гипотезы этноязыковой принадлежности буртасов, получившие распространение в отечественной историографии. На основе данных топонимики и этнонимики автором, в порядке рабочей гипотезы, выдвигается предположение о монголыязычности буртасов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/9-1/16.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 9(63): в 3-х ч. Ч. 1. С. 60-62. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/9-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 94(09)(=15/=7)

В данной статье предпринимается попытка взглянуть на проблему этнического происхождения средневекового поволжского народа буртасов и их языка с точки зрения ономастики. Рассматриваются главные гипотезы этноязыковой принадлежности буртасов, получившие распространение в отечественной историографии. На основе данных топонимики и этнонимики автором, в порядке рабочей гипотезы, выдвигается предположение о монголоязычности буртасов.

Ключевые слова и фразы: этноним «буртасы»; ономастика; топонимики; этнонимики; этноязыковая принадлежность.

Беленов Николай Валерьевич, к. пед. н.

Самарский государственный социально-педагогический университет
belenov82@gmail.com

ВОПРОСЫ ЭТНОЯЗЫКОВОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ БУРТАСОВ ПО ДАННЫМ ОНОМАСТИКИ

Наверное, не будет преувеличением утверждать, что буртасы являются самым загадочным народом Среднего Поволжья эпохи раннего и развитого Средневековья. Происхождение этого народа, его язык, история и роль в этногенезе народов Поволжья являются предметом оживлённых дискуссий.

Не претендуя на решение всех спорных вопросов, касающихся проблемы буртасов, предлагаем в целях введения в научный оборот новых данных взглянуть на неё с точки зрения ономастики.

Предварительно проведём краткий обзор наиболее распространённых версий о происхождении буртасов и принадлежности их языка.

Мысль о том, что буртасы средневековых источников – это мордва-мокша, высказывалась ещё Х. М. Френом и П. С. Савельевым [6, с. 56]. Впоследствии она была практически безоговорочно принята, вероятно, в русле следования авторитетам, археологами 20-х – 30-х годов XX века.

Так, можно отметить, что В. В. Гольмстен достаточно категорично отождествляла буртасов с мордвой-мокшей, допуская при этом, что имя буртасов могло носить одно из мелких племён, принявших участие в этногенезе мокши и не родственное эрзе [4, с. 50].

Тем не менее ряд археологов, специально занимавшихся вопросами древней мордовской истории, уже тогда критически высказывались по поводу такого безоговорочного отождествления. Вот один из выводов А. Е. Алиховой по интересующему нас вопросу: «Анализ письменных источников позволил прийти к выводу, что буртасы, отождествляемые некоторыми исследователями с мордвой-мокшей, жили значительно южнее, в Северном Прикаспии или Предкавказье, вследствие чего отпадает вопрос об отнесении их к одному из мордовских племён» [1, с. 15].

В дискуссию включился крупнейший специалист по средневековой археологии Поволжья А. П. Смирнов. Он, основываясь на неаргументированной локализации буртасов в Предкавказье, подверг критике всю концепцию А. Е. Алиховой и, рассмотрев также европейские и древнерусские источники, пришёл к заключению: «...соотнеся локализацию мордовских племён Рубруквиса с данными “Слова о погибели Русской земли”, приходится признать, что буртасы соответствуют мокше, а мордва совпадает с мордвой “Слова”» [9, с. 54].

Мы, со своей стороны, считаем, что крайне маловероятно разделение в русских источниках мордвы на различные народы, поскольку в дальнейшей русской письменной традиции эта тенденция не прослеживается. Помимо «Слова о погибели Русской земли», мордва и буртасы также упоминаются раздельно в «Сказании о Мамаевом побоище» [Там же, с. 55]. В писцовых книгах и грамотах XVII века мордва-эрзя, мордва-мокша, шокша, терюхане и каратаи фигурируют под собирательным названием «мордва», а упомянутые там же буртасы сближаются, скорее, с татарами. Таким образом, свидетельства указанного древнерусского источника не только не доказывают тождества буртасов и мордвы-мокши, но, напротив, уверенно различают их.

М. Г. Сафаргалиев в классическом труде «Распад Золотой Орды», касаясь данного вопроса, обращает внимание на характерную этнографическую особенность буртасов, отмечаемую средневековыми авторами: девушки у них были относительно свободны в выборе жениха. А именно указывалось, что по достижении буртасскими девушками зрелости, они перестают повиноваться отцу, по своему усмотрению выбирают жениха, который уже высылает сватов или приходит к её родителям сам. В связи с этим М. Г. Сафаргалиев отмечает, что у мордвы вопросы замужества дочери всецело решал отец, без какого-либо её участия [8, с. 101].

Таким образом, и письменные источники, и данные этнографии заставляют усомниться в правомерности отождествления буртасов и мордвы.

Считаем нелишним остановиться и на этнонимическом аспекте отождествления мордвы и буртасов. Дело в том, что при исследовании ономастического материала булгарской эпохи прослеживается одна фонетическая закономерность тюркских языков Поволжья этого периода, которая, как может показаться, допускает тождество этнонимов буртас = мордас. Речь идёт о закономерности перехода начального «б» в «м», которая прослеживается на примере гидронимии Среднего Поволжья при сравнении современных форм гидронимов и форм, отмеченных в «Рисалии» Ахмеда ибн Фадлана X века. Сравните, например: Бочаг – Моча; Байнах – Майна; Байтуган – Майтуга (последнее, впрочем, спорно) [3, с. 55]. Однако данные соображения опровергаются уже

упомянутыми нами русскими историческими источниками, в которых буртасы и мордва определяются как два отдельных народа как до монгольского нашествия, так и после него.

Проблему буртасов пытались разрешить и с привлечением алано-сарматской тематики. Г. Е. Афанасьев, И. Г. Добродомов и вслед за ними Е. А. Хелимский рассматривали буртасов как осколок алано-асского мира, сохранившийся в волго-донских степях [2; 5; 10]. Г. Е. Афанасьев считает также, что под рекой Буртас в источниках подразумевается Дон, который заносится в разряд волжских притоков вследствие недостаточной осведомлённости арабских авторов. Приводится и этимология этнонима «буртас» из аланского «фуртас». Последнее интерпретируется исследователями различно: либо как «сыновья асов», либо «асы, живущие у большой реки». Г. Е. Афанасьев, связывая буртасов с Подоньем, считает возможным видеть в них племена, оставившие салтово-маяцкую археологическую культуру [2, с. 87].

На наш взгляд, данная версия, безусловно, имеющая право на существование, пока слабо аргументирована. Так, путаница арабо-персидских авторов в географии Восточной Европы и предположительная их ошибка при смешении низовой Волги и Дона не являются достаточным доказательством отождествления реки Буртас с Доном. Этимология этнонима «буртас», приведённая сторонниками данной версии, фонетически возможна. Но представляется маловероятной, особенно в иранской языковой среде, её смысловая интерпретация. С принадлежностью буртасов к салтово-маяцкой культуре как будто перекликаются сообщения о двусоставности буртасского этноса, зафиксированные у отдельных авторов. Ведь известно, что на территории Подонья в ту пору сосуществовали два различных этнических массива с различными же типами хозяйствования: кочевой булгарский и осёдлый аланский. Однако детали описания противоречат такой трактовке. Кроме того, известное этнографическое наблюдение о свободе выбора буртасских девушек также не позволяет отнести буртасов к ираноязычным племенам. Таким образом, данная гипотеза нуждается в дополнительных доказательствах, которые могут быть получены лишь в результате комплексных исследований. При настоящей доказательной базе принимать её преждевременно.

Заслуживает внимания версия пензенского топонимиста М. С. Полубоярова о том, что группа гидронимов Пензенской области с формантом «-вис» принадлежит буртасам, из чего путём дальнейших топонимических изысканий учёный делает вывод о принадлежности буртасов к угорским народам [7, с. 59]. В целом такой вывод не противоречит общей этнополитической обстановке того времени в Поволжье, однако нам представляется, что буртасские топонимы следует, прежде всего, искать в местах исконного обитания буртасов, как они видятся из средневековых источников. Гидронимы же с формантом «-вис» концентрируются в основном в пределах Пензенской области, то есть на территориях, куда буртасы переселились позднее, под натиском кыпчаков. Это обстоятельство ставит под сомнение принадлежность выделенных М. С. Полубояровым гидронимов к буртасскому языку, по крайней мере, до выделения группы подобных гидронимов на территориях Саратовской и Волгоградской областей. Сам факт выявления топонимистом данной группы однотипных гидронимов в пределах ограниченного ареала, безусловно, требует дальнейшего исследования.

Переходим к исследованию доступного ономастического материала по буртасской тематике.

Первое, что хотелось бы отметить, в случае с этнонимом «буртас» мы, скорее всего, имеем дело с самоназванием. На это указывает как практическая идентичная, с незначительными вариациями, форма этнонима в русских и арабо-персидских источниках, так и данные топонимики.

Второй аспект – языковой. Дело в том, что у ряда арабских авторов есть фрагменты сочинений, где обсуждаются языки поволжских народов и постулируется их схожесть или же различие. Эти фрагменты служат одним из наиболее прочных оснований ряда гипотез относительно этнического происхождения буртасов. Так, ибн Хаукаль [6, с. 95] утверждает, что язык хазар похож на язык булгар, буртасы же говорят на ином языке. Свидетельство именно этого автора представляет особую ценность по двум причинам: во-первых, ибн Хаукаль лично бывал на берегах Каспийского моря и располагал информацией из первоисточников, во-вторых, его наблюдения о схожести языков булгар и хазар подтверждаются современными исследованиями. Сведения ибн Хаукаля позволяют с уверенностью сказать, что буртасы не относились к огуриязычным тюркам, и с большой долей вероятности утверждать, что они не относились к тюркам вообще. Версия о том, что буртасы могли являться финноязычным народом, не противоречит данному сообщению, но, как уже отмечалось выше, гипотеза о тождестве буртасов и мордвы подвергнута основательной, на наш взгляд, критике, как и финноязычность этого народа в целом.

Переходя к вопросу о буртасской топонимии, надо заметить, что здесь, ввиду нерешённости вопроса о языке буртасов, основными ориентирами являются топонимы, производные от этнонима, а также отмеченные в источниках города Буртас и Саван и река Буртас.

Необходимо также определить территорию, в пределах которой наиболее вероятно обнаружение пласта буртасской топонимии. Согласно средневековым источникам, буртасы обитали на правом берегу Волги, между землями хазар и булгар, то есть в пределах современных Волгоградской, Саратовской, Ульяновской и Самарской областей.

Надо отметить, что границы расселения буртасов, особенно верхняя, определяются гипотетически. Так, в качестве топонимического доказательства присутствия буртасов на Самарской Луке могло бы служить название одного из озёр – Бурташное. Однако с большей долей вероятности данный лимноним можно связать с чувашским названием голавля, а в некоторых диалектах и язя – «партас». О том же свидетельствует и название озера, зафиксированное в народных сказаниях населения Самарской Луки – Портошное. Таким образом, топонимия края пока не представляет очевидных доказательств присутствия здесь буртасов.

После появления в Волго-Донских степях кыпчаков буртасы под их давлением переселяются на северо-запад, после чего на территории современных Пензенской, Рязанской областей и Республики Мордовия формируется достаточно представительная топонимическая номенклатура с элементом «буртас». Следует, однако, отметить, что вся она – и в особенности ойконимия – является позднейшей.

Современная река с названием Буртас, протекающая по территориям Пензенской и Рязанской областей, не может быть отождествлена с рекой Буртас арабо-персидских источников хотя бы потому, что, согласно им, река Буртас впадала в Волгу. По нашему мнению, речь в арабо-персидской географической литературе может идти либо об одном из волжских правобережных притоков в пределах Волгоградской и Саратовской областей, либо о верхнем течении собственно Волги, до слияния её с Камой. Второе предположение вероятно в силу представлений восточных географов о Каме как о верхнем течении Волги, тогда как название собственно Верхней Волги в источниках неизвестно, возможно, именно оно скрывается под именем загадочной реки Буртас.

Мы, со своей стороны, считаем возможным выдвинуть версию монгольского происхождения буртасов. В пользу данной версии свидетельствуют следующие факты.

1. Принадлежность буртасского языка к монгольской группе не противоречит показаниям арабо-персидских источников о буртасском языке.

2. Положение женщины в обществе, характерное для буртасов и так удивлявшее средневековых хронистов, более всего этнографических параллелей находит именно у монгольских народов.

3. Также нам представляется достойным внимания тот факт, что в монгольском этнонимии часто встречаются формы, близкие этнониму «буртас». В качестве примеров можно привести современный монгольский народ – бурятов, а также название хакасского рода, имеющего монгольское происхождение – бурут.

Таким образом, считаем, что возможность отнесения буртасов к монгольским этносам как минимум заслуживает рассмотрения.

В заключение следует сказать о топонимическом аспекте данного видения происхождения и этноязыковой принадлежности буртасов. Монгольское топонимия зафиксирована в Среднем Поволжье достоверно и представлена достаточно широко. Проблема здесь состоит в том, что её трудно ранжировать во временном диапазоне. Так, достоверно известно пребывание на данной территории носителей монгольских языков как минимум дважды: в эпоху татаро-монгольского нашествия и в сравнительно недавние времена проживания здесь калмыков. Таким образом, если исходить из нашей версии, выделить из общего пласта монгольских названий в Среднем Поволжье именно буртасские представляется проблематичным. Некоторую ясность здесь может внести тот факт, что преобладающая часть монгольских топонимов фиксируется на Волжском Левобережье, тогда как буртасы, по данным источников, однозначно размещаются на правом берегу Волги. На Правобережье монгольских топонимов меньше, однако и здесь данный пласт достаточно уверенно прослеживается, для примера можно привести названия таких рек, как Уса и Муранка. При этом гидроним Уса упоминается в источниках раньше прибытия в Поволжье калмыков.

Подводя итоги, можно резюмировать, что потенциал ономастических исследований в буртасской проблематике далеко не исчерпан. Ввиду неопределённости в вопросе принадлежности языка буртасов на первый план в этих исследованиях выходят исследования этнонима, а также отэтнонимичных топонимов в купе с небольшим топонимическим материалом, связываемым с буртасами в средневековых источниках.

Список литературы

1. Алихова А. Е. Мордовские могильники X-XIV веков // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры (КСИИМК). 1949. Вып. 25. С. 14-20.
2. Афанасьев Г. Е. Исчезнувшие народы. Буртасы // Природа. 1985. № 2. С. 85-93.
3. Беленов Н. В. «Рисалия» Ахмеда ибн Фадлана как источник по топонимии Среднего Поволжья // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 3 (53). С. 52-56.
4. Гольмстен В. В. Буртасы // КСИИМК. 1946. Вып. 13. С. 47-54.
5. Добродомов И. Г. Этимология этнонима буртас // Ономастика Поволжья. 1985. Вып. 5. С. 51-60.
6. Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М.: Издательство восточной литературы, 1962. 281 с.
7. Полубояров М. С. Древности Пензенского края в зеркале топонимики. М.: ФОН, 2010. 224 с.
8. Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1960. 276 с.
9. Смирнов А. П. К вопросу о буртасах // КСИИМК. 1951. Вып. 40. С. 53-57.
10. Хелимский Е. А. К топонимологии уральско-алтайских этноязыковых связей // Славистика. Индоевропеистика. Ностратика: к 60-летию со дня рождения В. А. Дыбо. М., 1991. С. 26-29.

PROBLEMS OF THE BURTAS' ETHNO-LINGUISTIC AFFILIATION ACCORDING TO ONOMASTIC DATA

Belenov Nikolai Valer'evich, Ph. D. in Pedagogy
Samara State Academy of Social Sciences and Humanities
belenov82@gmail.com

The article addresses the problem of the ethnical origin of the medieval Burtas and their language from the onomastic viewpoint. The author analyzes the basic conceptions of the Burtas' ethno-linguistic origin adopted by the domestic historiography. Relying on toponymical and ethnonymical data the researcher proposes a hypothesis of the Burtas speaking Mongolian.

Key words and phrases: ethnonym “Burtas”; onomastics; toponymy; ethnonymics; ethno-linguistic affiliation.